

ЮБИЛЕИ УЧЕНЫХ

АКАДЕМИК РАН ИВАН МИХАЙЛОВИЧ СТЕБЛИН-КАМЕНСКИЙ
(К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

ACADEMICIAN OF THE RAS IVAN MIKHAILOVICH STEBLIN-KAMENSKY
(ON THE 70TH BIRTHDAY)

5 ноября 2015 г. академику Ивану Михайловичу Стеблин-Каменскому исполнилось 70 лет.

Трудно переоценить его вклад в отечественную иранистику. Вначале – об основных вехах его биографии.

Иван Михайлович родился 05.11.1945 в Ленинграде, в семье известного ученого-скандинависта Михаила Ивановича Стеблин-Каменского (1903–1981). В 1968 г. окончил Восточный факультет Ленинградского (ныне Петербургского) Государственного университета, по кафедре иранской филологии и стал аспирантом. В бытность студентом и аспирантом неоднократно ездил в экспедиции в Среднюю Азию, собирая в полевых условиях материалы по иранским языкам, этнографии, фольклору, верованиям народов этого ареала. Следует отметить, что кроме обычных экспедиций “наездами” во время студенческой практики он некоторое время жил на Памире, преподавая в сельской школе русский язык и изучая ваханский язык и местный говор таджикского языка, а также быт и верования ваханцев “изнутри”. Его кандидатская диссертация “Историческая фонетика ваханского языка”, защищенная 10.11.1971, – результат сравнительно-исторической обработки большого материала, содержащегося не только (и не столько) в научной иранистической литературе, но и в его собственных записях живого языка, собранных в полевых условиях, во время студенческих и аспирантских экспедиций.

С 1971 г. Иван Михайлович – младший научный сотрудник Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР, при этом с 1972 г. ведет также занятия в ЛГУ; с 1981 г. – старший преподаватель в ЛГУ, затем доцент и профессор. Его докторская диссертация “Земледельческая лексика памирских языков в сравнительно-историческом освещении”, написанная в Ленинграде, была защищена в Москве, в Институте языкознания АН СССР 29.11. 1984.

С 1990 И.М., кроме научной и преподавательской деятельности в пределах СССР и затем России, также читает лекции во Франции, Германии, Италии, Иране и других странах. В 1991–2006 гг. он заведует кафедрой иранской филологии, с 1994 г. исполняет обязанности декана Восточного

факультета и затем в течение 1995–2005 гг. является избранным деканом Восточного факультета Петербургского университета. В 1997 г. Иван Михайлович избран членом-корреспондентом Российской АН, в 2003 г. – действительным членом РАН. С 2005 г. И.М. – главный научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН. Награжден орденом Дусты (Дружба) Республики Таджикистан (1999), а также медалями, памятными знаками, грамотами.

Круг интересов Ивана Михайловича чрезвычайно велик: языки народов Средней Азии (живой язык, диалектология) и классический персидский язык; история (включая историю языка и связь истории языка с историей народа), культура (духовная и материальная); классическая персидская литература и фольклор ираноязычных народов; связь языка с этнографией – то направление, которое принято называть этнолингвистикой; пере-

воды; публикация трудов ученых и классических литературных произведений и т.д.

Остановимся здесь на некоторых аспектах его опубликованных работ.

Одно из самых интересных направлений (может быть, “экзотических” для отечественного и европейского читателей) – лексика, отражающая быт и способы хозяйственной деятельности народов Памира и смежных регионов. Сюда относится целый цикл статей: “Этнолингвистическая характеристика Восточного Гиндукуша” (совместно с А.Л. Грюнбергом) (1974); “Повседневная и ритуальная пища ваханцев” (1975), “Названия пахотного орудия в памирских языках” – с рисунками местной сохи, ее деталей, их названиями и этимологиями слов (1985), “Термины орошения в памирских языках” (с этимологиями слов, описанием оросительной системы в горах, рисунком-схемой распределения воды) (1987) и др.

К этому циклу примыкает монография Ивана Михайловича “Очерки по истории лексики памирских языков: Названия культурных растений” (1982). Здесь рассмотрены названия в памирских языках не только культурных, но и других съедобных растений, а также болезней растений (с этимологиями терминов), но и история появления того или иного растения на Памире, а если растение местное, то проблема его одомашнивания (со ссылкой на труды Н.И. Вавилова об эндемичных растениях ареала). В работе приведены научные латинские названия растений, выверенные с ботаниками. Многие местные названия растений, не зафиксированные в научной литературе, собраны И.М. в ходе полевой работы.

Все труды этого цикла (как и другие, более поздние) характеризует большая точность в обращении с материалом и в выводах: в описаниях реалий, в рисунках (кроме упомянутых выше рисунков деталей пахотных орудий, схемы орошения, публикуются рисунки-схемы приспособлений для молочного хозяйства, прядильных и ткацких орудий, строения памирского дома и т.п.). Языковой материал приводится по первоисточникам, поэтому во всех работах мы видим четкое воспроизведение фонетического или фонологического облика слова и его значения, со ссылкой на источник, а материал из полевых сборов И.М. всегда очень точен. Эта точность проявилась и при изучении внутренней характеристики ваханского языка, см., например, статью “О ваханском вокализме” (1970), где анализируется длительность ваханских гласных по показаниям осциллографа.

Особое место в работах И.М. Стеблин-Каменского занимает монография “Языки Восточного Гиндукуша. Ваханский язык. Тексты, словарь,

грамматический очерк” (1976), написанная совместно с А.Л. Грюнбергом, в которой большое место занимает словарь ваханского языка, составленный Иваном Михайловичем (стр. 281–536 из 670 стр.)¹. Книга включает большое количество этнографических текстов на ваханском языке с переводами. Эти тексты описывают местные реалии, сельскохозяйственные работы, способы приготовления пищи (особо – выпечки хлеба), обычаи и ритуалы; способы местной охоты и приручения птиц для охоты; народную медицину и пр. Сюда же входят фольклорные тексты: сказки, пословицы и поговорки, загадки и т. д. Таким образом, данные тексты представляют собой не только богатый уникальный языковой материал, но и объемную этнографическую картину Вахана. Тексты тщательно паспортизованы: при каждом содержится информация – где, когда, от кого записан тот или иной текст. Словарь, помимо обычной ваханской лексики, включает вынесенные в отдельные разделы топонимы, названия святилищ; зафиксирован также список кланов. В начале работы, в “Предисловии” большой раздел посвящен природе и истории Вахана – части караванного “шелкового пути”; в работе содержатся также иллюстрации: карта-схема региона, рисунки сельскохозяйственных орудий, домашнего быта, предметов ведения молочного хозяйства; рисунок-схема мельницы, рисунки музыкальных инструментов с ваханскими названиями и т.д.

Практически книга явилась энциклопедией современного (для XX века) Вахана. Не вызывает удивления, что такой капитальный труд привлек к себе внимание многих исследователей, не только лингвистов. Книга была переведена на французский язык и издана во Франции в 1988 г.

Интерес к истории языка, в частности, к этимологии, выявился уже в первых работах И.М. Его кандидатская диссертация “Историческая фонетика ваханского языка”, написанная в результате сравнительно-исторической обработки большого материала ваханской лексики, содержит не только скрупулезное описание исторической фонетики, но и большую картотеку ваханских этимологий, легшую впоследствии в основу его “Этимологического словаря ваханского языка” (1999), о котором будет сказано ниже, и отдельных статей, (например, статья “Историческая классификация ваханских глаголов” 1981).

Интерес к этимологии связан не только с ваханским языком. Об этом свидетельствуют от-

¹ Собранный И.М. Стеблин-Каменским после издания этой книги дополнительный лексический материал был издан им впоследствии в виде отдельной статьи “Новые материалы по ваханской лексике” (1981).

носителем ранние статьи, рассматривающие историю иранских слов и отраженных в языке “картин мира”, начиная от праязыкового хронологического уровня, например, “Флора иранской прародины: этимологические заметки” (1974), “Река иранской прародины” (1978), “Памирские языки о мифологии древних иранцев” (1981).

Особую роль в трудах этого направления играет большой “Этимологический словарь ваханского языка” (1999), явившийся фактически энциклопедией сведений уже не только о современном Вахане и ваханцах, об их языке, но и об истории Вахана и ваханского языка, а также о соответствующей лексике (и ее истории) других языков Памира.

“Этимологический словарь ваханского языка” – явление неординарное во многих отношениях. Эта неординарность вызвана рядом обстоятельств, как объективных, связанных с особенностями ваханского языка и с его исторической судьбой, так и субъективных, диктуемых авторским подходом к материалу.

Из объективных обстоятельств: 1. Ваханский – один из языков восточноиранской “ветви”, входящей (через определенные промежуточные ступени родства) в большую индоевропейскую семью, что делает свидетельства истории его лексики ценными не только для иранистики, но и для индоевропеистики в целом. 2. Этот язык, распространенный в горах Южного Памира и примыкающих регионов Афганистана, Пакистана и КНР и относящийся к ареальной группе памирских языков, входит в Памиро-Гиндукушский этнолингвистический регион и далее – в Центрально-Азиатский языковой союз, характеризующийся целым рядом структурно-типологических и контентивно-типологических признаков. Это отражается на составе ваханской лексики и на истории отдельных слов – с определенными семантическими сдвигами, с продуктивностью определенных словообразовательных моделей. 3. Бытование в горных районах Средней и Центральной Азии обусловило отражение в ваханской лексике таких реалий природы, особенностей хозяйствования, обычаев и пр., которые требуют от составителей любого словаря не простого перевода лексем (который читателю-европейцу может оказаться не всегда понятным), а объяснения местных особенностей; в отдельных случаях – рисунков-иллюстраций. 4. Это язык “малочисленного” народа, бывший до последних лет бесписьменным, не имевший письменной традиции в прошлом и находящийся на протяжении многих веков и поныне под сильным воздействием (и в первую очередь – лексическим)

со стороны “престижных” языков региона – таджикского и дари.

Авторским лингвистическим и этнолингвистическим подходом к материалу объясняются некоторые особенности Словаря в плане отбора и презентации материала ваханского языка, выбора лексем других языков для сравнения, объема представленных в словаре экстралингвистических данных, трактовки некоторых процессов в истории ваханского языка. Так, автор счел необходимым включить в словарные статьи не только этимологии собственно ваханских слов и заимствований в ваханский из других языков, но и – для сравнения – этимологически родственные слова в других иранских языках и семантически близкие (но не родственные) слова других языков ареала. Во многих словарных статьях присутствуют, кроме того, географические, этнографические и иные экстралингвистические комментарии. Автор построил Словарь таким образом, чтобы максимально разносторонне осветить исторические условия и пути развития лексики ваханского языка.

Словарь отличается тщательностью разработки словарных статей, аккуратностью в подборе фактов и в подаче материала (кстати, четко и адекватно воспроизведенного), с паспортизацией источников материала (не только чисто лингвистических) и этимологий. Обычная тщательность И.М. в любой работе имела здесь результатом еще и включение в Словарь раздела “Дополнительный список”, куда вошли ваханские слова, которые автору на территории Таджикистана не встречались, но были отмечены в разных чужих записях (включая дилетантские записи туристов, альпинистов и пр.), поскольку они могли отражать диалектные варианты, бытующие или бытовавшие ранее на территории других стран. Важно было ничего не пропустить! Заключает книгу серия рисунков, схем и фотографий, поясняющих материал многих словарных статей.

В результате данный Словарь явился по существу не только этимологическим, но до некоторой степени также сопоставительно-семантическим и ареальным этнолингвистическим словарем лексики Памиро-Гиндукушского ареала. До последнего времени подобного масштабного монографического исследования, посвященного изучению в диахроническом аспекте лексики этого языка (да и других языков региона) не существовало. Это капитальный энциклопедический труд, занявший у автора не одно десятилетие большой кропотливой работы по сбору, этимологической обработке материала многих языков. Помимо собственно лингвистической ценности для индоевропеисти-

ки, этот труд имеет важное значение для народов. Не случайно в этимологических трудах не только отечественных языковедов, но и зарубежных, встречаются постоянные ссылки на его статьи.

Тщательный и бережный подход к материалу позволил Ивану Михайловичу выявить и описать основные черты мертвого **бактрийского** языка по тому скудному набору фрагментов, которые были опубликованы до начала 80-х годов прошлого века. Открытые и опубликованные позднее новые тексты на этом языке не отменяют основных положений работы И.М., которые были им опубликованы в 1981 г.

Особое место в исследованиях и публикациях И.М. занимают изучение и переводы (в основном стихотворные, с комментариями) текстов Авесты. Можно назвать посвященные этим проблемам книги: “Авеста: Избранные гимны” (стихотворный перевод, с комментариями и словарем; с предисловием В.А. Лившица) 1990; “Авеста: Избранные гимны. Из Видевдата” (стихотворный перевод, с предисловием И.М. Стеблин-Каменского, комментариями, словарем), 1993; “Гаты Заратуштры. Перевод с авестийского, вступительные статьи, комментарии и приложения И.М. Стеблин-Каменского” (2009). Для этих работ характерно сочетание высокой поэтичности и точности переводов и строгость многосторонних комментариев к ним. Занятия фольклором И.М. не ограничились только публикацией ваханских текстов. Можно назвать еще и издания книг “Сказки народов Памира” (1976, совместно с А.Л. Грюнбергом); и перевод “Сказки и легенды Систана” (1981, также с А.Л. Грюнбергом).

Диапазон работ И.М. настолько широк, что перечислить все сферы направления его интересов невозможно. Мы ограничивались здесь лингвистическими. Однако хотелось бы еще отметить некоторые сферы интересов, которые отражают черты характера Ивана Михайловича. Большая любовь к поэзии выразилась не только в стихотворных переводах Авесты, но и в переводах стихов классики, и не только персидской, а также в его стихах.

Блестящий юмор, который отразился не только в серии подборок “Анекдоты про востоковедов”, изданных в разное время, но и в лингвистических работах. Например, статья, посвященная анализу субстратного влияния языка бурушаски на словообразование ваханских названий колена и локтя, названа им «“Колени” и “локти” памирского субстрата» (1979), поскольку в ней идет речь об элементе *b-* из числительного “два”, который присутствует в ваханских названиях “колена” и “локтя” и является калькой с элемента *lt-* из чис-

лительного “два” в языке бурушаски в названиях парных частей тела.

Иван Михайлович много пишет о своих учителях и старших коллегах. Его очерки в разных изданиях о В.А. Лившице, И.М. Оранском, М.Н. Боголюбове, С.Н. Соколове, А.Л. Грюнберге, А.Л. Хромове и др. написаны с большим уважением, удивительной чуткостью, тактом и теплом. Об этих качествах говорит и его публикация (1992 г.) о первом путешествии И.И. Зарубина на Памир в 1914 г. и о судьбе французского ираниста Р. Готьё²; работа И.М. (совм. с В.С. Гарбузовой) по подготовке к изданию блокадного дневника А.Н. Болдырева и другие. Со свойственной ему тщательностью он готовит полную библиографию изданных работ своего отца (2003), списки работ за разные годы своего учителя М.Н. Боголюбова (изданные в разных выпусках серии “Востоковедение”), список трудов старшего коллеги и друга А.Л. Грюнберга (2006) и др.

Щедрость Ивана Михайловича в “раздаче” своих идей и наработок проявилась, в частности, в том, что при написании А.Л. Грюнбергом раздела “Мунджанский язык” в книге “Основы иранского языкознания” И.М. предоставил в его распоряжение свою картотеку мунджанских этимологий и составил историческую классификацию глагольных основ мунджанского языка, включенную в данный раздел.

Естественно, что теплота и щедрость И.М. распространяется и на его учеников и последователей, свидетельством чему являются и их публикации, см., например, сборник «Языки и этнография “Крыши мира”» СПб., 2005, в котором И.М. выступает в числе составителей.

Для нас, иранистов, работы Ивана Михайловича Стеблин-Каменского, его авторитет означают очень много. В дни его юбилея мы желаем ему долгих лет здоровья, благополучия ему и его близким, а также многих дальнейших исследований и такого же живого разностороннего интереса ко всему.

Эдельман Джой Иосифовна, доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института языкознания РАН, Россия, 125009, г. Москва, Б. Кисловский пер., д. 1, стр. 1.

Joy I. Edelman, doctor of Philological Sciences, Head Researcher at the Institute of Linguistics of the RAS, 1 bed. 1. Bolshoi Kislovsky lane, 125009 Moscow, Russia

² Этот очерк пришлось повторить затем в одном из выпусков “Петербургского востоковедения”, поскольку статья, изданная в 1992 г. в Душанбе в машинописном-офсетном издании с рядом непропечатанных букв, читалась с трудом и была малодоступна.